

FƏLSƏFƏ

UOT 1 (091)

РОМАНТИЗМ И ЕВРОПЕЙСКАЯ
КОНСЕРВАТИВНАЯ ТРАДИЦИЯ

А.С.МАМЕДОВА

Институт Философии, Социологии и Права НАНА
mamedov.afaq@yandex.ru

В статье рассматриваются социальные и политические идеи романтиков. Анализируя проявления романтизма в нравственной и политической идеологии, автор отмечает крайнюю противоречивость их творчества, склонность романтиков как к консерватизму, так и к либерализму, попытку сочетания в своем творчестве философского и художественно-поэтического стиля мышления. Автор отмечает, что романтическое и консервативное мировоззрение вовсе не представляли собой реакционного мировоззрения, стоящего на пути индустриальной революции и экономической модернизации.

В статье обосновывается необходимость подхода к исследованию романтизма как социокультурного течения с позиций плюрализма.

Ключевые слова: романтическая философия, консервативная мысль, либерализм, идеал государства, политическая философия

Как универсальное социокультурное течение, возникшее на определенной ступени общественного развития и сформировавшееся в тесной связи с философской, научной, социальной, политической, эстетической, этической и другими формами художественно-образного, рационального и иррационального освоения мира, романтизм занимает особое место в истории общественной и философской мысли. Распространившееся на идеологическую и политическую жизнь, это течение превратилось в неотъемлемую составную часть национального возрождения тех стран, где оно существовало. Романтизм развивался на почве духовной культуры нации, отличался своеобразным отношением к проблемам, порожденным существующей действительностью той или иной страны. Становление романтизма сопровождалось переоценкой общественных ценностей, процессом политического и государственного объединения страны

(США), буржуазной революцией (Франция), национально-освободительным движением (Азербайджан, Польша), наполеоновскими войнами и т.д. Романтизм появляется в Англии, стране с развитой экономикой, в Германии, Италии, находящихся в преддверии капитализма. Развивая местный образ жизни и способы мышления, восприятия и освоения мира, отражая исторические пути развития народа, обычаи и традиции, национальные корни, язык и культуру, романтизм, возникший в разных странах в различное время, приобрел национальные особенности, сохранив тем не менее свою идейную целостность.

Возникновение романтизма на конкретном этапе исторического развития, обусловленного идейно-теоретическими и социально-политическими предпосылками. Романтизм характеризуется как разветвленное течение, имеющее свои проявления в философской, естественно-научной, социально-политической, эстетической, этической, религиозной и т.д. сферах, явившейся своеобразной реакцией на разрушение надежд на просветительство и разочарование существующей действительностью.

Романтическая и консервативная философия, переплетаясь в произведениях разных авторов, составили весомую альтернативу Просвещению и развившемуся из него либерализму. В адрес либерального индивидуализма европейские романтики и консерваторы уже в конце XVIII - начале XIX вв. бросили несколько значительных обвинений. Прежде всего, в механическом подходе к государству, превращавшем его в машину, безразличную к особенностям людей, образующих государство. То есть, государство не было понято либералами как национальная форма. Второе обвинение обращено к либеральной методологии, которая создает чисто умозрительный проект государственного устройства, пренебрегая чувственной природой человека. Наконец, насмешкам подвергается абстрактное понятие об индивиде. Просвещение, преклоняясь перед «природой человека», в действительности представляло эту природу весьма расплывчато, зачастую всего лишь как примитивное проявление эгоистического инстинкта. Консервативная мысль в поисках истинной природы человека, начинает искать ее в истории. Английский критик Французской революции Эдмунд Берк писал, что, действуя как бы в присутствии канонизированных предков, дух свободы, ведущий сам по себе к беспорядку и крайностям, умеряется благоговейной серьезностью [1, 46]. Национальное становится своего рода «цензором» для руссоистской «общей воли», взрывающей социальный порядок своим поиском свободы.

Национальное, таким образом, осознавалось в рамках консервативной доктрины постепенно – через уравнивание «естественных» эгоистических устремлений индивидов. Романтическая философия, начиная с более глубокого внимания к национальной идентичности, осталась в этой глубине вне политических аспектов жизни нации, которые все

более затрагивались в работах консерваторов. Здесь, собственно, и проходит размежевание двух тесно связанных мировоззренческих позиций.

Романтизм предполагал рождение государства из самой природы за счет разворачивания из семьи в племя, из племени в межплеменный союз. Государство – особый организм, который нельзя сводить к сумме индивидов. Важно, что романтическая концепция государства не позволяет вмешиваться в жизнь «диких» народов и «цивилизовать их» под одну либеральную гребенку. Тем более – почитать «дикарей» как не вполне людей. Все народы – ветви от единого ствола человечества, у каждого из них – своя роль в мировой истории, часть божественной идеи человечества, представленного во множестве национальных форм.

Вероятно, наиболее веской политической идеей романтиков, заимствованной позднее консерваторами, была идея восстановления Священной римской империи германской нации, которая угадывается и в современной модели Единой Европы. Эта мессианская идея находится в тесной связи с возвращением теологии в обществознание, которое становилось естественным в процессе разоблачения либеральной идеи о свободе личности.

Фихте писал, что свободен и верит в свою и чужую свободу лишь тот, чья жизнь «своим непосредственным становлением обязана Богу» [8, 73]. Свобода, понятая как погружение в собственную чувственность, в действительности не освобождает от внешней детерминации. Это свобода видимости. А подлинной явление свободы возможно лишь там, где божественное постигается в рамках языка, объединяющего чувственное и сверхчувственное – то есть, в рамках нации.

Новалис находит идеал государства в средневековой империи, соединившей народы в христианстве как *Abendland*. Мир в Европе, по мысли Новалиса, может наступить с возвращением «в прежние алтари», с возвращением к христианскому мироносному началу. Мюллер также указывает на ту объединяющую силу религии.

Нация у романтиков также была ключевым понятием, получившим особое значение в результате противостояния идеям Французской революции. Фихте в этой области был первооткрывателем, объявив немецкий пранарод чуть ли не единственным носителем первоначальной человечности («Речи к немецкой нации»). Он дал понятие народа как органического явления: «Это целостность людей, продолжительно живущих в обществе друг с другом и беспрестанно воспроизводящих самих себя естественным и духовным путем, которая в совокупности управляется некоторым особым законом развития Божественного из данного целого. Общность этого особенного закона есть то, что в вечном мире, и именно благодаря этому также и в мире временном, связывает множество в естественную и наполненную лишь самим собой целостность» [8, 69].

Таким образом, Фихте пытается связать государственное устрой-

ство с историей нации и сложившимся в историческом процессе национальным характером. В то же время, неясно представляя себя политический аспект нации, Фихте предполагал первейшей гражданской обязанностью служение государству, но одновременно считал государство лишь средством для нации. Аналогичная «государственническая» позиция была свойственна и Гегелю – далеко не романтику. Между тем, в отличие от либералов, для консерваторов характерно возвышение нации над государством с его формальным правом. Государство создается рассудочной деятельностью, а нация наполняет государственное устройство жизнью.

Согласно Шеллингу, государство, понятое как организм, связывает всеобщее государство и особенное в гражданине, а также необходимость и свободу. Необходимость выражается в общем для граждан законе, свобода – в деятельности индивида, действующего на основании закона. Свобода, не стесненная законом создает лишь извращенное государство, в котором связь всеобщего и особенного, необходимости и свободы разорвана, а государственное единство присутствует в абстрактной форме.

Конкретизацию диалектических идей Шеллинга в области политической философии можно встретить у Адама Мюллера, который говорил о двойственной природе человека как одновременно отдельного, особенного индивида и явления всеобщего. Как часть всеобщего человек не может существовать вне государства (данное положение возвращает к аристотелевской идее человека как общественного существа). Общий дух – вот что не различают философы Просвещения, упирая на индивидуальное и особенное в образе индивида. Отсюда – неведение нации и интерпретация государства как союза эгоизмов, «меркантильной социальности».

Шеллинговская диалектика свободы и необходимости дополняется Мюллером диалектикой длительности и изменения, которая дает основание понимать и воспринимать нацию в виде идеи. Именно в идее изменчивое остается идентичным и сохраняет единство в многообразии текучих форм. Многообразие и изменчивость не позволяют сформировать строго рациональное отношение индивида к нации, которое в действительности всегда опирается на веру и сотрудничество в общей для нации динамике жизни.

Согласно Гегелю, свобода не может уподобляться бессодержательной или эгоцентрической произвольности, которую философ называл формальной свободой. Свободу следует искать лишь в раскрытии личной индивидуальности в рамках национального целого, где только и может присутствовать конкретная свобода [2, 136].

Предшествуя Гегелю, Мюллер различает общую свободу (*liberte generale*) и свободу всех (*liberte de tous*). Общая свобода, напротив, это свобода незабвенных предков, что придает значение вневременным интересам нации. Свобода всех относится только к решениям современного момента.

Поэтому свобода отдельного человека имеет своей границей не только свободу всех других, живущих в данное время, но и свободу предков.

Здесь философская романтика ставит еще одно разграничение с рационализмом Просвещения и либерализмом. Мюллер пишет, что целые столетия должны вернуть свободные представители в народное собрание, которое образуем мы, нынешние люди, и законы, все следы прошлых эпох должны признаваться и уважаться как живые представители тех, которые не могут более явиться сами, ибо покоятся в могилах. «Во все времена главная задача искусства управления государством как раз и состояла в том, чтобы сохранять ушедшие поколения в живой современности, ни на миг не упускать из вида бессмертие и тотальность политической жизни, обеспечивать главную задачу государства: длительность и жизнь» [6, 175]. Мюллер утверждает, что вне государства нет права - в том числе и естественного, которое вне конкретной истории остается фикцией, мертвой абстракцией. Эффективное право может существовать только как национальная идея права, проистекающая из вневременной национальной идеи государства. Динамику этой идее придает конкретность отдельного закона, применимого для сиюминутной ситуации. Но вечное (национальная идея) не может и не должно подменяться сиюминутностью отдельного правового акта. Именно поэтому право стоит над законом.

Новалис, возвращаясь к идее Руссо о соединении людей в государство силой любви, относит эту любовь к нации и олицетворяющему ее монарху: «Конституция интересна для нас лишь так же, как интересна буква... Что есть закон, если он не является выразителем любимой, вызывающей поклонение личности? Разве мистический суверен, то есть макроантропос, как и всякая идея, не нуждается в некоем символе, какой символ может быть достойнее и приличнее, чем милый и прекрасный человек?» [7,45].

Так, абстрактная либеральная идея преобразуется в конкретную консервативную идею, в которой объект любви конкретен, а для государства возникает ясная символическая ценность, соединяющая людей.

Несмотря на антилиберальный пафос, романтическая философия своими идеализациями народной жизни притягивала многих либералов. Например, философа и дипломата Вильгельма фон Гумбольдта, в воззрениях которого причудливо соединялись представления о бесконечном развитии человеческой индивидуальности и идея нации как естественно-природного образования. В качестве таковой нация не может возникать постепенно, слагаясь из частей, но рождается сразу во всем богатстве своих потенциальных возможностей. Иными словами, нации суть «гештальты» (формы), а нация и индивид соединены законом природы как лист и дерево. Как и для Гердера, для Гумбольдта все нации ценны как божественные продукты природы. Соответственно, как пишет Гум-

больдт, «каждая форма государства, рассмотренная как чисто теоретическое образование, должна изначально черпать во времени, обстоятельствах, национальном характере то материальное содержание своей жизненной силы, которое в дальнейшем просто развивается» [3, 110].

Уход от абстракций (и даже увлечение чисто биологическими трактовками общества) открыл романтикам дорогу к практическому анализу действующих национальных организмов.

Романтики и консерваторы были близки друг к другу в представлении об идеальной модели государства, которая не может иметь иных источников, кроме традиции. Следовательно, европейское государство может быть только монархическим. Вместе с тем, сама монархия могла быть реализована самыми разными способами. А.Мюллер считал, что совершенное государство сочетает в себе монархию (олицетворение нации) и республику (свобода граждан). Монархия черпает свою живую суть из свободы граждан, республика черпает свою внутреннюю связующую силу из монарха как посредника между временностью и вечностью.

Аналогичным образом Де Местр соединяет сущности нации и королевской власти, которые не сдерживают, а дополняют друг друга, исключая возможность обособленного существования: нет суверена без нации, нет нации без суверена. Будучи плотью от плоти нации, монархия для Де Местра имеет смысл (легитимность) только в случае ее наследственного характера. И только если династия пресекается, нация может выбрать короля [4, 120].

Гегель, продолжая эту линию романтиков, формулирует тезис: «Личность государства действительна лишь как некое лицо — монарх». Легитимность монарха есть нечто «естественное», данное ему от рождения и не требующее рациональной выборной процедуры. Достоинство монарха состоит в его происхождении [2, 112].

В противовес либеральному эгалитаризму, консервативные мыслители всегда обращали внимание на личностные качества индивида. Ницше, не будучи ни консерватором, ни романтиком, но развивая оба направления мысли в своем бурном нигилистическом творчестве, говорит о том, что индивидуальность может быть связана только с избранностью. А уравнительные принципы порождают демократию посредственности, прокладывая затем путь социализму – власти опустившихся. Либерализм пытается обеспечить мещанскую жизнь, озабоченную, прежде всего, безопасностью. Это означает неизбежное ослабление жизненной силы общества и утрату инициативы в нем. Демократия ведет к упадку и смерти государства. Поэтому подлинный индивид не может существовать в государстве «чересчур многих».

Из монархического принципа и понимания неизбежного неравенства между людьми вытекает сословный характер государства. Сословия обеспечивают республиканские свободы и ограничивают власть сувере-

на. Но, с другой стороны, они укрепляют нацию балансом своих естественных оппозиций, стабилизированных ролью монарха, выступающего в роли верховного арбитра.

Мюллер пишет, что самосознание нации наиболее отчетливо выявляется в аристократии. Аристократия, из которой выходит монарх, выражает ее вневременную роль: она представляет «особенно долго процветающие фамилии, доказавшие свое значение для сопряжения эпох» и защищает общую свободу. Аристократия, также как и монарх, утверждает Мюллер, репрезентирует единство живущих и ушедших, соединение прошлого, настоящего и будущего. По отношению «к отдельным людям с их сиюминутной властью она представляет власть и свободу незримых и отсутствующих звеньев гражданского общества» [6, 109]. Выполнение этой функции тесно связано с землевладением – в земле представляется вечная длительность. Утрата этой функции означает, что означает также утрату особого почитания благородного сословия и общий его упадок.

Если аристократия представляет длительность или устойчивость нации, то духовенство выражает длительность наднациональной общности народов. Аристократия связывает в нации поколения, духовенство – связывает поколения человечества. Буржуазия же и купечество, по мысли Мюллера, противостоят аристократии, репрезентируя временное преходящее и интернациональные компоненты рынка. Экономическая основа существования аристократии – семейная собственность, которой нельзя свободно распоряжаться. Напротив, частная собственность, находящаяся в руках буржуазии, предназначена для свободного распоряжения и использования в безразличных к свойствам личности и нации рыночных законов.

В политэкономической сфере это требует отказа от узко-рациональных подходов и полагает, что материальные блага не существуют изолированно от духовных. Вещи несут на себе двойственную духовно-материальную природу человека, а духовные блага, как и материальные, обладают меновой стоимостью. А это значит, что дух имеет для экономики весьма важное значение.

Действительно, собственность нельзя жестко отделять от индивида – человек привязан к вещи, и наоборот. Именно поэтому собственностью нельзя распоряжаться как вздумается – она представляет собой наследство, переданное индивиду его предками, которое он должен сохранить для потомков: необходимо, чтобы «национальный капитал, как и национальный закон, то есть целостное наследие предшественников, рассматривались в качестве правоспособного лица по отношению к любому другому отдельному лицу» (А.Мюллер). Эта вневременная связь поколений заключена в семье, и именно в семейной собственности заключается национальное достояние. Гегель полагал, что в отличие от

абстрактно-безразличной связи между чистыми торговыми партнерами, отношения внутри нации конкретны и подобны семейным, когда каждая индивидуальность служит предметом пристального интереса членов семьи. То есть, именно семья, а не индивид, для романтиков и консерваторов представляет собой экономическую и правовую единицу – что стоит внимательнейшим образом учесть в современной ситуации, не видящей иных субъектов человеческих отношений, кроме индивидуальных.

Если романтики говорили о государстве как об организме, имея в виду, прежде всего, духовное наполнение и полагая биологический организм лишь аналогией дееспособного государства, то консерваторы использовали биологические подходы более основательно, понимая роль природных факторов в образовании и жизни народа. В целом верный путь конкретизации знания и учета объективных факторов, не замечаемых романтиками, был, в то же время опасен возвышением биологического над духовным и снижением роли человеческой воли, преодолевающей природные детерминации.

Впрочем, чисто биологические подходы к социальным явлениям (в частности, подходы некоторых последователей Гобино) для консервативной мысли оказываются неприемлемыми. Так, Хьюстон Стюарт Чемберлен рассматривает нации как нечто исторически ставшее – как не столько биологические, сколько исторические общности. Поэтому для него именно смешанные расы являются наиболее благородными. Смешение ведет к обогащению жизни и к выработке национальной индивидуальности. Но в то же время, это не всякое смешение, а точно взвешенное и имеющее определенную цель. Иначе, с человечеством произошло бы то же, что происходит с животными - «продолжительное бесконтрольное скрещивание двух выдающихся животных пород всегда ведет к потере обеими их превосходных качеств» [5, 115].

Понимание расы как типа человека и стремление внедрить в политическую жизнь иерархию типов, каждому из которых следует свое место – сообразно с имеющимися качествами, отличает конкретность и устремленность к насущному консервативной идеи в отличие в развернутой в основном к истории романтической идеи. Консерватор ищет источник культурного стандарта, романтик – только констатирует идеал, не имея намерения требовать его воспроизводства. Консерватизм оказывается более динамичным, более строгим и, конечно же, политически более рискованным подходом к политическим проблемам.

Романтизм, как крупная историческая эпоха вырабатывает и закрепляет, таким образом, идеологически, нравственно, психологически определенное представление о человеке как общественном субъекте. Романтикам ближе были культурные, а не политические идеи, отчего национальную общность они видели расплывчато, ограничиваясь скорее благими декларациями, чем исследованиями.

Главным для романтиков было государство, достоинства которого не ставились под сомнение, а нация воспринималась скорее через фольклор и идеализированные эпизоды истории (миф былого величия). Таким образом, романтическое и консервативное мировоззрение вовсе не представляли собой реакционного мировоззрения, стоящего на пути индустриальной революции и экономической модернизации. Для частной предпринимательской инициативы лишь отводилось определенное место – с тем чтобы она не ломала государственной традиции и не подрывала культурной идентичности нации. Новая обстановка в начале XIX века обусловила поворот внимания к человеку, его поступкам и внутреннему миру. Проблемы личности, ее инициативы, творчества и судьбы становятся в центре духовной жизни, по-своему выражаясь в морали, философии, политической мысли. Начало XX века характеризуется возрождением романтической идеи свободы, права человека, перенесением центра внимания на личность — свободную, творческую, героическую, на «внутреннее освещение человеческого прогресса».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркан Ю.Л. Опыт реконструкции «философии истории» Отмара Шпанна. СПб., 2003.
2. Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х- начала 1930-х годов. Проблемы интерпретации // Полис. 2003. № 4, с. 94-107.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Просвещение, 1990, 450 с.
4. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. М. Просвещение, 1985, 360 с.
5. Chamberlain H.St. Die Grundlagen des 19 Jahrhunderts. Munchen, 1941, 220 p.
6. Muller A. Elemente der Staatskunst. Wien, `1922, 338 p.
7. Novalis: Philosophical Writings. New York 1997, 130 p.
8. Fichte J. Reden an die deutschen Nation, Stuttgart, 1944, 128 p.
9. Carl Schmitt. Political Romanticism Transaction Publishers, 2010, 221 p.
10. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Юрид. лит-ра, 1997.

ROMANTİZM VƏ AVROPADA MÜHAFİZƏKAR ƏNƏNƏLƏR

A.S.MƏMMƏDOVA

XÜLASƏ

Məqalədə romantiklərin sosial-siyasi baxışları nəzərdən keçirilir. Müəllif sosiomədəni universal cərəyan olan romantizmin ictimai və siyasi ideologiyada təzahürünü təhlil edərək, romantik təfəkkürdə və bədii, poetik və fəlsəfi yaradıcılıqda mühafizəkarlıq və liberalizm təmayüllərini araşdırır, romantik və mühafizəkar dünyagörüşün sənaye inqilabı və iqtisadi modernləşməyə qarşı yönəlmiş mürtəcə baxış olmadığına dair mülahizələr irəli sürür.

Məqalədə sosiomədəni universal cərəyan kimi romantizmin plüralizm prinsipləri əsasında tədqiqinin zərurəti əsaslandırılır.

Açar sözlər: romantizm fəlsəfəsi, mühafizəkar fikir, liberalizm, dövlət idealı, siyasi fəlsəfə

ROMANTICISM AND EUROPEAN CONSERVATIVE TRADITIONS

A.S.MAMMADOVA

SUMMARY

The social and political ideas of romantics are viewed in the article. Analyzing the manifestation of romanticism in moral and political ideology, the author notes the utmost antipathy of their creation, the disposition of romantics both to conservatism and liberalism, the endeavor of combination in their philosophic and artistically poetic creation. The author notes that, the romantic and conservative Weltanschauung wasn't the reactionary Weltanschauung standing on the way of industrial revolution or economical modernization.

The necessity of approach to the research of romanticism as socio-cultural trend is substantiated from the pluralism position.

Key words: romantic philosophy, conservative conception, liberalism, the ideal of the state, political philosophy